

ВАРВАРА
АНДРЕЕВСКАЯ

МИЛОЧКА

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

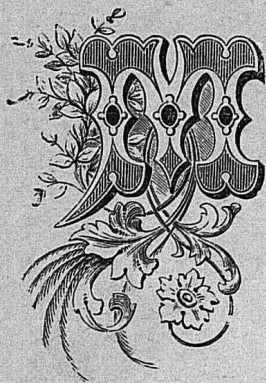
Андреевская В.

А65 Милочка / В. Андреевская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 196 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

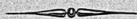
В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ИЛОЧКА

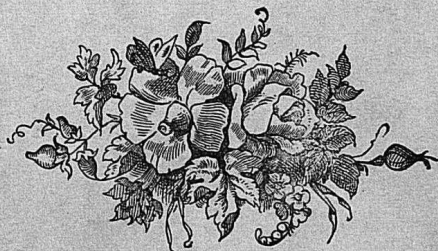
ПЯТЬ РАЗСКАЗОВЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

В. П. Андреевской.

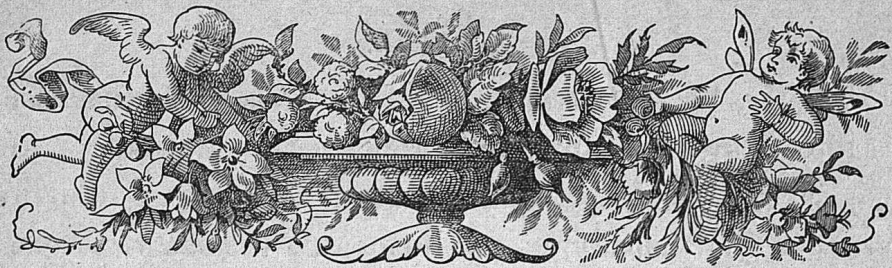
Съ 4-мя раскрашенными рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА Ф. А. БИТЕПАЖА.

Милочка.

а дворѣ стоялъ одинъ изъ тѣхъ непривѣтливыхъ осеннихъ дней, про которые можно по справедливости сказать, что *«въ такую погоду добрый хозяинъ собаку не выгонитъ»*; мелкій, точно сквозь сито моросившій дождь, шелъ не переставая, съ самаго утра, и подгоняемый отъ времени до времени сильными порывами пронзительнаго вѣтра, безцеремонно падалъ на шляпы, пальто и зонтики прохожихъ.

По улицамъ и тротуарамъ небольшого уѣзднаго городка N...—гдѣ происходитъ разсказъ мой—виднѣлись цѣлыя лужи, и все окружающее пространство казалось окутаннымъ густымъ туманомъ, среди котораго тамъ и сямъ мелькали тусклые, едва мерцающіе фонари; свѣтъ отъ нихъ, и въ обыкновенную пору не особенно завидный, теперь казался еще мизернѣе.

— Ну, ужъ погодка!—проговорила вслухъ сама себѣ бѣдно-одѣтая старушка, торопливо шагавшая по скользкому тротуару; она держала въ рукахъ довольно объёмистую корзинку съ яблоками и казалась очень утомленною.—«Скорѣе бы добраться до дому,—продолжала женщина свои размышленія,—хоть по часамъ-то оно рановато, да дѣлать нечего, видно сегодня надо отказаться отъ выручки!..»

Съ этими словами старушка бережно накрыла товаръ свой промокшею отъ дождя тряпкою и, грузно шлепая по водѣ и грязи стоптанными сапогами, чуть не бѣгомъ пустилась по направленію къ дому.

Идти пришлось порядочно, такъ какъ жилище ея находилось въ одной изъ отдаленныхъ частей города, гдѣ вмѣсто тротуаровъ тянулись простые деревянные мостки, а фонарей почти совсѣмъ не было; но вотъ наконецъ длинное путешествіе кончилось. Татьяна—такъ звали старушку—завернула въ ворота низкаго, одноэтажнаго дома и, поднявшись по лѣстницѣ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ очутилась въ маленькой, совершенно бѣдной, хотя въ то же самое время чрезвычайно опрятной комнаткѣ.

Только-что успѣла она поставить на столъ корзинку съ яблоками, зажечь свѣчу, снять насквозь промокшее платье и обувь, какъ вдругъ услышала стукъ въ наружныя двери.

— Кто тамъ?—спросила Татьяна.

— Мы, бабушка, пусти!—отозвался дѣтскій голосъ.

Татьяна молча отодвинула дверную задвижку, на порогѣ показался мальчуганъ лѣтъ восьми, онъ держалъ за руку прелестную маленькую дѣвочку.

— Мы уже два раза, бабушка, стучали,—заговорилъ мальчуганъ,—только тебя все не было дома.

— А намъ очень хотѣлось кушать,—добавила дѣвочка:—мама же спитъ, не просыпаясь, почти съ тѣхъ поръ, какъ ты ушла на рынокъ продавать яблоки.

— Бѣдняжки, вы должны дѣйствительно проголодаться, садитесь скорѣе къ столу, я накормлю васъ чѣмъ-нибудь, а пока вотъ возьмите полакомтесь...

И добрая женщина, доставъ изъ корзинки два самыя большія яблока, подала одно изъ нихъ мальчику, котораго звали Федей, а другое его сестренкѣ Людмилочкѣ.

Дѣти поблагодарили Татьяну и принялись кушать полученный гостинецъ съ большимъ аппетитомъ, причемъ внимательно слѣдили глазами за каждымъ движеніемъ старушки, которая, подойдя къ шкафу, вынула оттуда миску со щами, и немного гречневой каши, вѣроятно оставшіяся отъ обѣда.

— Садитесь,—обратилась она къ своимъ маленькимъ посѣтителямъ.

Послѣдніе не заставили дважды повторить любезное предложеніе; щи и каша на голодный желудокъ показались имъ очень вкусными, они кушали съ видимымъ наслажденіемъ и, противъ обыкновенія, даже совсѣмъ

не разговаривали, безпрестанно наполняя маленькіе ротики; въ комнатѣ, минутъ около десяти, царствовала полнѣйшая тишина, нарушаемая только легкимъ позвякиваніемъ оловянныхъ ложекъ о тарелки; наконецъ Татьяна заговорила первая.

— А что, мама послѣ меня не жаловалась больше на боль въ груди, и не кашляла?—обратилась она къ Федѣ.

— Сначала немного охала, потомъ перестала и заснула.

— Въ горницѣ-то у васъ я думая холодно; ты не топилъ сегодня?

— Чѣмъ топить, бабушка, когда нѣтъ ни дровъ, ни денегъ, чтобы купить ихъ.

Старушка грустно покачала головой; опять наступило молчаніе, и опять она же первая нарушила его слѣдующими словами:

— Закусили немножко, утолили голодъ?

— Спасибо, бабушка, закусили, теперь мы больше не голодны, дай тебѣ Богъ здоровья.

— А коли не голодны, такъ пойдемте къ мамѣ, можетъ ей что-нибудь надобно, вѣдь она, бѣдняга, слаба, встать съ постели безъ посторонней помощи не въ силахъ.

Дѣти поспѣшно выскочили изъ - за стола и послѣдовали за Татьяной по направленію къ выходной двери.

Пройдя черезъ холодныя сѣни, они вошли въ кро-

печную, сырую, непривѣтливую горенку, гдѣ жили Федя и Людмилочка, или просто Милочка, какъ обыкновенно называли маленькую дѣвочку домашніе. Жили они со своею матерью, бѣдною вдовою, которая, оставшись послѣ смерти мужа безъ всякихъ средствъ, собственными трудами прокармливала себя и семью, до тѣхъ поръ, пока была здорова и имѣла достаточно силъ, чтобы работать, но къ несчастію силы скоро истощились, здоровье оказалось надорваннымъ, она слегла; и вотъ тутъ-то для бѣдныхъ малютокъ наступилъ цѣлый рядъ мучительныхъ, голодныхъ дней и всевозможнаго лишения, такъ что еслибы не добрая сосѣдка, бабушка Татьяна, то имъ навѣрное пришлось бы очень жутко.

— Тише, не шумите,—шепнула имъ старушка, осторожно шагая по полу, и держа въ рукѣ сальный огарокъ, который тщательно прикрывала ладонью, чтобы свѣтъ отъ него не обезпокоилъ больную.

Но больная, повидимому, не обратила ни малѣйшаго вниманія на него, потому что продолжала по прежнему лежать покойно, и даже не пошевелилась.

— Спитъ,—проговорилъ едва слышно Федя.

— Спитъ должно быть,—такъ же тихо отвѣчала Татьяна, затѣмъ поставила свѣчу на сундукъ и приблизилась къ кровати.

Освѣщенная едва пылающимъ сальнымъ огаркомъ комната представляла ужасную картину: холодъ, сы-

рость, нищета... вотъ что наполняло ее, вотъ что гнѣз-
дилось въ ней всюду... Бѣдная больная женщина, да-
леко еще не старая, лежала на сколоченной изъ про-
стыхъ досокъ койкѣ, и когда-то очевидно красивое
лицо ея, теперь смотрѣло угрюмо; оно было совершенно
блѣдно, искажено страданіемъ, носъ какъ-то заострился,
губы посинѣли, длинные, костлявыя руки, словно плетки,
тянулись вдоль исхудалаго туловища... глаза остава-
лись закрытыми.

Татьяна нагнулась къ больной совсѣмъ близко,
взяла за руку, попробовала пульсъ, дотронулась до
похолодѣвшаго лба, послушала біеніе сердца, затѣмъ,
вставъ на колѣни, оскѣнила себя крестнымъ знаменіемъ,
припала головою къ подушкѣ, и едва сдерживая ры-
даніе проговорила тихо, тихо:

— Скончалась, несчастная, одна одинешенька безъ
всякой помощи! Еслибы я это могла предвидѣть, не
ушла бы на базаръ сегодня торговать яблоками.

— Бабушка, что ты говоришь? О чемъ плачешь?—
тревожно спросилъ Федя, держа за руку Милочку, ко-
торая, не признавая своего печальнаго положенія, совер-
шенно спокойно смотрѣла на старушку, и никакъ не
могла сообразить, что такое случилось.

— Встаньте, друзья мои, на колѣни... Помолитесь
за маму. Она умерла...—пояснила Татьяна.

Федя разразился громкимъ рыданіемъ; Милочка глядя
на него тоже заплакала, но затѣмъ почти сейчасъ же